

Ю. А. Мухина
Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО-ФИЛОЛОГА

АННОТАЦИЯ. *В статье предлагается анализ языковой личности ученого-лингвиста на материале текста, относящегося к научно-учебному подстилю. Автор опирается на концепцию Ю. Н. Караулова, согласно которой структура языковой личности включает в себя три уровня: вербально-семантический, тезаурусный, мотивационный.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковая личность, модель языковой личности, вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный уровни языковой личности, научный функциональный стиль, Ю. Н. Караулов, Р. М. Фрумкина.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Мухина Юлия Алексеевна, студентка 2 курса магистратуры Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.*

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: julia.muh@mail.ru

Y. A. Mukhina
Ekaterinburg, Russia

THE PROBLEM OF DESCRIPTION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A SCHOLAR PHILOLOGIST

ABSTRACT. *The article presents an analysis of a linguistic personality of a scholar linguist in the text belonging to scientific-educational substyle. The author uses the conception of Y. N. Karaulov, according to which the structure of a linguistic personality comprises three levels: verbal-semantic, thesaurus and motivational.*

KEY WORDS: *linguistic personality, linguistic personality model, verbal-semantic, linguo-cognitive and motivational levels of linguistic personality, scientific functional style, Y. N. Karaulov, R. M. Frumkina.*

ABOUT THE AUTHOR: *Mukhina Yuliya Alekseevna, the 2 Year Student of Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication MA course, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

Антропологическая направленность современной научной парадигмы ставит во главу угла интерес к отдельной человеческой личности, в лингвистике – конкретному носителю языка. Концепции языковой личности, ее структуру и аспекты разрабатывали такие ученые, как В. В. Виноградов, Г. И. Богин, Ю. Н. Кара-улов. На сегодняшний день за основу исследования языковой личности принята уровневая модель Ю. Н. Караулова, включающая в себя три уровня: вербально-семантический (структурно-семантический), или лексикон; лингвокогнитивный, или тезаурус; и мотивационный, или прагматикон. Вербально-семантический уровень находит свое отражение в лингвистической способности: знании лексических единиц и правил их употребления. Мотивационный уровень реализует себя в употреблении языковых единиц в соответствии со сферой распространения, знании речевых жанров, умении находить адекватное соответствие между типом информации и способом ее вербальной презентации, владении рядом этикетных правил. Тезаурусный уровень воплощается в проявлении когнитивных способностей, одной из которых является культурно-языковая (лингвокультурная), включающая в себя систему знаний, позволяющих интерпретировать тексты и языковые единицы в категориях культуры.

Изначально характеристика и анализ языковой личности осуществлялся на материале художественной прозы, причем в качестве субъекта исследования мог выступать как вымышленный персонаж, так и образ личности автора. Но в современных исследованиях начали появляться публикации, посвященные анализу языковой личности (С. В. Рактина «Творческий диапазон ученого как языковой личности (на материале работ В. И. Вернадского)», Н. В. Сивцова и О. Л. Арискина «Языковые средства выражения знания в лекционной речи М. М. Бахтина»; Л. Н. Кузнецова «В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект»).

В данной статье, опираясь на концепцию Ю. Н. Караулова, мы попробуем дать описание языковой личности Ревекки Марковны Фрумкиной как автора научного текста.

Р. М. Фрумкина – российский лингвист, психолог, эссеист.

Научный сотрудник Института языкознания РАН. В качестве материала исследования мы выбрали учебное пособие Р. М. Фрумкиной «Психолингвистика». Рассматриваемый нами текст относится к разновидности научного стиля – научно-учебному, в котором допускается использования отдельных языковых средств, характерных для разговорной речи и публицистики, в том числе средств языковой выразительности (метафор, сравнений, риторических вопросов, риторических восклицаний, парцелляции и некоторых других).

На **вербально-семантическом уровне**, анализируя предпочтения автора в выборе языковых средств, мы обратим внимание на те особенности, которые выходят за рамки стандартного научного текста.

Графические особенности: 1. Выделение крупным шрифтом слов, на которое падает интонационное ударение: *конечно, материал для наблюдений мы отбираем, принимая решение наблюдать ЭТО, а не нечто иное /ведь у него уже есть ЯЗЫК!* 2. Частое употребление кавычек: *«в жизни» мы нередко размышляем в более конкретных категориях / «устройство» текста / подходя к языку как к феномену психики (а именно это отличает психолингвистику от «чистой» лингвистики...* 3. Написание с прописной буквы важных для автора понятий: *таким ориентиром является Теория / психология стала Наукой с большой буквы.*

На словообразовательном уровне мы встречаем окказионализмы, созданные автором по известным моделям, свойственных для научного стиля речи, но не отраженные в словарях: *внетeorетичный / вненаучный / внесловесный*. Если автор и позволяет себе языковую игру в научном тексте, то на словообразовательном уровне.

Исследуя лексический уровень, можно отметить высокую терминологичность текста Р. М. Фрумкиной. Помня, что мы анализируем учебное пособие, насыщенность терминами выглядит естественно и уместно. При этом понимание текста не вызывает затруднений даже у неподготовленного читателя, поскольку сложные термины объясняются внятно, при помощи прозрачных метафор или наглядных примеров: *Метод, когда собственная психика для нас самих выступает как данность, о которой мы судим, как бы созерцая самих себя на «внутреннем экране», называется **интроспекцией**... / Например, облако человек всегда воспринимает как гештальт, и его невозможно описать как структуру. Человеческое лицо, произведение живописи также воспринимаются только как гештальт.* Общеупотребительная лексика встречается, в основном, в описа-

нии экспериментов или в наглядных примерах. Если же стилистически нейтральные слова появляются в тексте описания какого-либо явления, они чаще всего закавычены: *ребенок «владеет» его смыслом так же, как взрослый... дети весьма рано способны занять позицию «наблюдателя» по отношению к ситуации общения.*

Логично предположить, что в учебном пособии для студентов, несмотря на доступность языка, мы не встретим сниженной лексики, жаргонных и просторечных слов. И это объясняется не только рамками научного стиля, но и чертами личности самого автора – образованного человека с широким кругозором и великолепной эрудицией, который предпочитает использовать в своей речи книжную лексику.

Синтаксический состав разнообразен, здесь мы можем встретить простые и сложные предложения с сочинительной связью. Редко употребление конструкций с деепричастными оборотами, усложняющих восприятие текста. Отмечается использование неполных предложений, характерное для разговорной речи: *В самом деле. Еще пример, более сложный.* А вот сложные предложения с подчинительными союзами не характерны для стиля Р. М. Фрумкиной, хотя являются часто употребительными в текстах научного стиля. Такие союзы, как *несмотря на то что, ввиду того что, потому что, вследствие того что, тогда как, между тем как, в то время как* характерны для текста научного стиля, так как выражают причинно-следственные отношения между явлениями. Но для автора данного учебного пособия они не являются актуальными. Р. М. Фрумкина иначе организует свой текст: используя вводные слова *несомненно, разумеется, безусловно, естественно, известно что, любопытно что, дело в том, что, действительно* автор не только вплетает в текст нужные ей сведения о каком-либо явлении, но придает этому сообщению оценочную окраску.

Научный стиль речи предполагает строгий отбор языковых средств, задачей которых является разъяснение научной информации, пропаганда научных сведений и достижений. Характерные признаки научного стиля – объективность и беспристрастность, и если первое не вызывает сомнений, то беспристрастным, безэмоциональным текст учебного пособия Р. М. Фрумкиной назвать никак не представляется возможным.

Мы встречаем большое количество тропов, которые используются для реализации различных целей: для лучшего восприятия терминов, для эмоционального воздействия на читателя, для детального описания объекта исследования и т.д. Эти

же задачи решаются и с помощью синтаксических средств выразительности – анафоры и параллелизма конструкции. Они менее частотны, чем тропы, но присутствуют в тексте на равных с ними правах. Другие приемы, такие как инверсия, эпифора, градация и тем более анаколуф не находят своей реализации в тексте Р. М. Фрумкиной.

Самый частотный стилистический прием – сравнение: *теперь попытки обобщить предлагаемые ответы выглядят как лоскутное одеяло / подобно тому, как не замечаем воздух, которым дышим / ведь в потоке речи никакие «звуки» как таковые не даны, подобно тому как не даны отдельные звуки в мелодическом потоке музыки/ это редкий случай, когда мы можем наблюдать – как если бы снимали рапидом – цепочки переходов от смысла / история любого исследования – это "драма идей", т.е. что-то наподобие пьесы со многими героями, их столкновениями, репликами «в сторону», монологами и диалогами / аналогией может быть неумение европейца описать различия между лицами китайцев / галлюциногены, как и любые яды, крайне опасны / более вероятно, что мы действуем подобно Пьеру Безухову, когда тот после долгой разлуки в незнакомой даме в черном вдруг узнает Наташу Ростову. Сравнения выражены в тексте учебного пособия различными способами: сравнительный оборот; метаслова со сравнительной семантикой; парцеллированные сравнительные конструкции; присоединительные сравнительные конструкции; микротексты со сравнительной семантикой.*

В учебном пособии мы встречаем как выразительные эпитеты, так и изобразительные, уточняющие смысл какого-либо понятия или явления. Но предпочтение Р. М. Фрумкина отдает все же «украшающим», придающим дополнительное эмоциональное значение определяемому слову эпитетам: *«красивая» психолингвистическая интерпретация / скромный психофизиологический результат / лингвистический авторитет / детальные наблюдения / многостраничная рукопись. Также в тексте присутствуют оценочные и авторские эпитеты: лингвистика перестала быть суугобо кабинетной наукой / коварный феномен / утопические чаяния // гениальное умозаключение / бесценный материал.*

Р. М. Фрумкина использует такие стилистические приемы, как анафора и синтаксический параллелизм: *Мы видим свет, а не поток частиц, дышим воздухом, а не смесью неких газов, и пьем воду, а не H₂O, слушаем музыку, а не последовательность звуков с некими частотными и тембровыми характеристиками и так далее / Наверняка вашему «внутреннему зору» представился снег. Или поле одуванчиков. Или белый пуховый платок. Или еще что-то, о чем я не могу догадаться, если вы мне об этом не расскажете сами / Знак – это отношение между означающим и означаемым: между звуком тру-*

бы и тем, что именно этот сигнал означает «слушайте все», между этой цифрой – «закорючкой» и числом два, между кивком головы вниз – и согласием со сказанным собеседником и т. д. / Мы не помним, сколько зубцов у обычной вилки, какова глубина черпака у столовой ложки, что изображено на коробке спичек / одни пишут грамотно, даже не научившись правильно держать карандаш. Для других проблема «одно н или два?» будет актуальной всегда.

Содержание единиц **когнитивного уровня** (по Ю. Н. Караулову) – «отношения между концептами, схематизирующие идеологически ориентированную модель мира, т.е. иерархию ценностей языковой личности».

Метафоризация используется как средство творческой концептуализации мира: *мозаика так и не сложилась в единую картину / а психолингвистика? Ее ростки постепенно вызревали и в психологии, и в лингвистике / только мы сами и можем «заглядывать в себя» – пусть мы склонны при этом пользоваться то розовыми, то черными очками / здоровые клетки мозга позволяют «проторить» новые пути / веер возможных способов описания смысла.*

Конечно же, в рамках учебного пособия в первую очередь реализует себя концепт науки, научного творчества: *Нужна теория, которая, выражаясь словами Эйнштейна, решила бы, что именно можно (т. е. **следует**) наблюдать, чтобы изучать мышление да и прочие психические процессы / своей любимой науки / Итак, психология стала Наукой с большой буквы / Таким ориентиром является Теория / Итак, наука начинается не с фактов. Она начинается с **веры в проблему** и возможность ее решения / И тем не менее зачастую не задается банальный, казалось бы, вопрос: можно ли вообще наблюдать то, что мы намерены наблюдать? Что происходит в процессе наблюдения (или эксперимента) с наблюдаемым объектом: остается ли он тождественным сам себе? Потребность в ответах на такие вопросы является одним из элементов научной культуры.*

Р. М. Фрумкину интересуют не только научные поиски, это человек с широким кругом интересов (психология, поэзия, живопись, кино и театр), но, по ее же словам, «наука остается любимым хобби». Научная деятельность не представляется возможной без ежедневного кропотливого труда, но это не монотонное сидение за письменным столом, необходимо ощущение счастья, полета, удовлетворение от того, что человек занимается своим любимым делом, которое имеет определенный смысл. Вдохновение и азарт присущи научному творчеству, как и творчеству вообще. Процесс поиска мучителен, но только им и живет ученый. Ежедневная напряженная работа – это естественный процесс, будни автора: «Однако, если я по несколько дней подряд не работала, то возникало какое-то странное ощущение провалов во

времени и неясная досада». Для Р. М. Фрумкиной наука является не только видом ее деятельности, но и стилем жизни.

Мотивационный уровень языковой личности включает в себя характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности. Коммуникативная ситуация, в которую оказывается погружен автор учебного пособия – необходимость разъяснить научную информацию, передать теоретические знания, поделиться практическим опытом. Этим и мотивируется реализация следующих коммуникативных потребностей:

1. Контактуостанавливающая: *Мне хотелось бы думать, что этот мой рассказ, написанный в свободной форме, позволит вам чувствовать себя более уверенно / Представьте себе /Если вы знаете английский язык, то подумайте о том, каким русским словом вы бы его перевели.* Примечательно, что в данном учебном пособии два предисловия – для преподавателей и для студентов, в которых понимание психолингвистики как науки показывается с несколько разных точек зрения. Для преподавателей: *Попробуем согласиться с тем, что психолингвистика – это прежде всего определенный ракурс, в котором изучаются язык, речь, познавательные процессы.* И для студентов: *Это наука о том, какие психические процессы имеют место, когда мы порождаем речь и воспринимаем речь, т.е. говорим, слушаем и читаем, а также о том, как мы овладеваем речью на родном языке и на иностранном.*

Вопросительные предложения выполняют в учебном пособии специфические функции, связанные со стремлением автора привлечь внимание к излагаемому материалу: *Что же надо наблюдать, чтобы изучать мышление? / Ну, а что говорят ученые, которые в силу своей профессии изучают так называемые когнитивные процессы — процессы познания и оформления в языке выражения мыслей и чувств? / Почему же так привлекательна вся проблематика, связанная с полушарной асимметрией? / Может быть, стоит задуматься в само словосочетание вербальное мышление? / Задумывались ли вы о том, каким образом мы понимаем – и принимаем – эту множественность смыслов? Исследуемое учебное пособие поражает обилием не только вопросительных, но и восклицательных предложений. Тексту Р. М. Фрумкиной свойственна повышенная эмоциональность, и одним из средств ее выражения являются восклицательные предложения: *Как тесно связываются в наших представлениях мысль и слово, мысль и язык! /Увы! Сто лет экспериментальной психологии и полуторавековая традиция лингвистики четкого ответа на вопрос о связи мысли и слова не дали / Мы пришли к парадоксу! /Поистине бесценный материал! / Просто у них другой критерий «знания смысла»!* Р. М. Фрумкина не*

только устанавливает контакт с предполагаемым собеседником, она поддерживает его с помощью различных способов, таких, например, как риторические вопросы и обращения к читателю: *Прежде чем нетерпение и любопытство заставят вас заглянуть в конец книги, я сделаю некоторые замечания по сути понятого и непонятого вами / А теперь ответьте на следующий вопрос: что же помогло вам извлечь из текста, где вы поняли не все слова, такую существенную порцию смысла? Думаю, что вы согласитесь со мной, что это прежде всего способность анализировать грамматические значения, т.е. те значения, которые в русском языке выражаются обязательно/ В чем здесь дело, с вашей точки зрения?* Своеобразно проявляется в языке науки категория лица: значение лица обычно является ослабленным, неопределенным, обобщенным. В научной речи не принято употреблять местоимение 1-го лица ед. ч. «я». Его заменяют местоимением «мы» (авторское мы). Принято считать, что употребление местоимения «мы» создает атмосферу авторской скромности и объективности: *мы исследовали и пришли к выводу...* Р. М. Фрумкина эту традицию не поддерживает, *мы* встречается в тексте, но крайне редко, уступая место 1-му лицу, что придает тексту некий «личный» характер: *Я позволю себе отказаться от этих нюансов / Я надеюсь, что Выготского вы прочтете сами / И уж во всяком случае я не считаю / По моим наблюдениям / Меня удивило следующее / В обоих случаях я могу считать, что эти проблемы заслуживают внимания.*

2. Информативная. Учитывая, что мы анализируем учебное пособие, реализация информативной потребности будет являться основной задачей автора. Естественно, что составляющие прагматического уровня – наличие микротем, фактуальная информация – априорно присутствуют в тексте и отмечены языковыми маркерами: *Чтобы ответить на эти вопросы, я провела серию из нескольких экспериментов / Под «центрами кристаллизации» я понимала вот что / Зато вы сами можете сделать объектом наблюдения свое собственное мышление, а экспериментатору рассказать о результатах. Но в этот момент происходит замечательная метаморфоза: вы превратились из подопытного в исследователя! / Я могу указать лишь одно априорное, но весьма общее соображение: безусловно ущербным является раннее обучение, не подкрепленное должной мотивацией / Хотя мы говорим об интеллектуальных операциях в терминах формальной логики, упоминая членение, отождествление, сравнение и т.п., но так мы выражаемся только потому, что иначе мы говорить не умеем.*

В анализируемом учебном пособии мы наблюдаем невероятное количество образов прецедентных текстов, а также ссылок на авторитеты, и мнения и опыт коллег, что свидетель-

ствуется об авторской эрудиции и компетентности: *Помните фразу из «Горе от ума» – «и говорит, как пишет»? / В повседневной жизни каждый из нас пользуется интроспекцией, не подозревая об этом, подобно тому, как герой Мольера не подозревал о том, что говорит прозой / Увы, времена незабвенного Карла Ивановича, так трогательно описанного Львом Толстым в «Детстве», прошли... / Любопытный пример соотношения словесного и внесловесного являет собой такой сугубо «разговорный» жанр, как монологи М. М. Жванецкого / Яркий пример массивного вытеснения — это настроение и поведение Наташи Ростовской в момент ее увлечения Анатолием Курагиным / Зато не вскользь, а достаточно развернуто на эту тему высказывался замечательный советский психолог С. Л. Рубинштейн.*

3. Воздействующая. Стилю изложения Р. М. Фрумкиной вообще присуща как оценочная лексика, так и ее эмоционально-экспрессивные компоненты, но чаще всего эта оценка носит положительный характер.

Но в этот момент происходит замечательная метаморфоза: вы превратились из подопытного в исследователя / А если не создавать специальных экспериментальных условий, а «просто наблюдать» – неукоснительно и беспристрастно? Увы, это еще более распространенная иллюзия / Итак, внетеоретичное наблюдение – такой же миф, как внетеоретичный эксперимент.

Таким образом, анализируя языковую личность ученого, можно отметить полное следование всем нормам письменной речи, богатство и выразительность языковых средств, использованных автором при написании учебного пособия для студентов, высокую степень креативно-речевой деятельности, что, несомненно, позволяет говорить об элитарности языковой личности Р. М. Фрумкиной.

ЛИТЕРАТУРА

Богин Г. И. Концепция языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982. 31 с.

Иванова Е. Н. Проблемы изучения языковой личности : учеб пособие – Екатеринбург : Издательство УрГПУ, 2014. 134 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Котюрова М. П. Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2008. 280 с.